

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИГРАФИИ БУЛГАРИЗМОВ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ В ФИННО-УГРОВЕДЕНИИ

В.К. Кельмаков (Ижевск)

Проблема болгарских заимствований в современных удмуртском, коми-зырянском и коми-пермяцком языках все еще не снимается с повестки дня пермистики, хотя исследователи как со стороны финно-угроведения, так и с позиций тюркологии не раз возвращались к ней; она, периодически получив соответствующую разработку, лишь затухает, с тем чтобы вновь вспыхнуть на новом витке. И в связи с этим начинается переоценка некоторых прежних ценностей, пересмотр казавшихся ранее незыблемыми истин.

1. С выходом из печати классического исследования Ю. Вихмана «Чувашские заимствования в пермских языках» (Wichmann 1903), о которой И. Шебештьен отозвалась как о труде, «послужившем впоследствии в качестве образца подобного рода исследований» (Sebestyén 1928: 230), казалось бы, все точки над *i* поставлены (если даже и не навсегда, то по крайней мере надолго): выявлены 164 болгарских заимствования в пермских языках (правда, некоторые из них даны финским исследователем под одним или двумя вопросами). Все эти заимствования могут быть распределены на три группы, неравные по количеству составляющих их единиц: 1) абсолютное большинство из них (128 слов) встречается только в удмуртском языке; 2) 34 слова имеют соответствия в удмуртском и коми языках; 3) два заимствования чувашского типа зафиксированы лишь в коми языке (Wichmann 1903: 38–128). Две последние группы не без основания были объединены Ю. Вихманом в одну и квалифицированы как наиболее древние заимствования общепермского периода. При этом отсутствие удмуртских параллелей к двум коми болгаризмам объяснялось автором как поздняя утрата их в удмуртском при сохранении их соответствия в родственном коми.

Тут Ю. Вихман был не очень далек от истины: в последнее время, к примеру, действительно найдена удмуртская параллель к коми болгаризму *карта* 'хлев; дом, двор' (Кельмаков 2010). Что же касается абсолютного большинства болгаризмов, имеющих лишь в удмуртском языке, то они попали в него после распада прапермского единства и отхода носителей коми языка на север. Такова эскизно теория Ю. Вихмана, которая, правда, в последнее время отнюдь не считается единственно возможной.

2. Результаты исследования (состав болгаризмов в пермских языках) трижды подвергались серьезной ревизии: а) чувашским ученым М.Р. Федотовым в 60-е гг. XX в.; б) венгерскими исследователями К. Редеи и А. Рона-Ташем (1973–1980 гг.) и в) удмуртским финно-угроведом И.В.Таракановым (1980–1993 гг.).

3. На первой ревизии, произведенной М.Р. Федотовым, я сознательно не заостряю внимания, поскольку это не относится к теме исследования в данной работе (она может быть поводом для отдельного разговора).

4. Второй серьезной ревизией некоторых вихмановских положений со стороны, в первую очередь, пермистики следует считать серию статей К. Редеи и А. Рона-Таша, опубликованных в 1973–1980 гг. (Rédei, Róna-Tas 1973; 1975; 1980). Не касаясь всех положений данных статей, остановлюсь лишь на следующем: венгерские ученые, пересмотрев болгарские заимствования так называемого *общепермского периода*, сочли возможным разделить их еще на две группы, т. е. на два хронологических пласта.

4.1. Первый пласт составляет 22 наиболее ранних (VIII–IX вв.) тюркских заимствования чувашского типа, т.е. среднебулгарских заимствования, попавших в прапермский язык-основу, при этом:

а) 19 из них, по мнению венгерских авторов, являются бесспорными, это (примеры по всем пермским языкам даются в современной литературной записи: (1) удм. *удыс* 'постать' – к. *адас*; (2) удм. *бам* 'щека; склон; лезвие (ножа)' – к. *бан*; (3) удм. *сюрло* 'серп' – к. *чарла*; (4) удм. *энер* 'седло' – к. *ёныр*; (5) удм. *губи* 'гриб' – к. *гоб* 'гриб (губчатый)'; (6) удм. *кун* 'устар. царь; государство' – к. *кан* 'царь'; (7) к. *карта* 'хлев; дом, двор'; (8) удм. *кеч* 'заяц' – к. *кёч*; (9) удм.-к. *кись* 'бердо'; (10) удм. *культо* 'сноп' – к. *кольта*; (11) удм. *куды* 'лукошко' – к. *куд*; (12) удм. *кудыр* 'бобр'; (13) удм. *кузё* 'хозяин' – к. диал. *кизй* 'лесной дух, леший'; (14) к. *сипись* 'олово'; (15) удм. *силь-* – к. *сьыв-* 'буря'; (16) удм. *серы* 'шпилька, цевка' – к. *сюри* 'уток, намотанный на цевку'; (17) к. *тылым* 'прядь, клок'; (18) удм. *тысь* 'зерно, семя' – к. *тусь*; (19) удм. *усьты-* 'открывать' – к. *восьт-* (Rédei, Róna-Tas 1973: 282–288);

б) три слова, имеющие несколько сомнительный характер: (20) удм. *иське* 'значит, следовательно' – к. *эськё* 'бы'; (21) удм. *кушман* 'корнеплод; редька' – к. *кушман* 'редька'; (22) удм. *секыт* 'тяжелый, трудный' – к. *сьёкыд* (Rédei, Róna-Tas 1975: 31–32).

4.2. Во вторую группу венгерские ученые относят девять более поздних заимствований, встречающихся лишь в удмуртском и коми-пермяцком языках: (1) удм. *чебер* 'красивый' – кп. *чебер* 'гордый, своенравный'; (2) удм. *каб* 'колодка; форма (для плетения лаптей)' – кп. *каб*; (3) удм. *кенак* 'тетя, тетка' – кп. *кенак* 'невестка, жена брат; сноха'; (4) удм. *кубо* 'прялка' – кп. диал. *коба* 'тж.'; (5) удм. *сугон* 'лук' – кп. письм. пам. *sugon* 'тж.'; (6) удм. *сусо* 'ткацкий челнок' – кп. *суса*; (7) удм. *сюр-* 'неродной': *сюранай* 'мачеха', *сюратай* 'отчим', *сюрныл* 'падчерица' – кп. письм. пам. *šor-*: *šor-aj* 'отчим', *šor-nl* 'падчерица'; (8) удм. диал. *турто* 'оглобля' – кп. *торта* 'пихало, пехло (для сгребания зерна)'; (9) удм. *улмо* 'яблоко' – кп. письм. пам. *ulmü, ulmüs*

(Rédei, Róna-Tas 1975: 33–36). Относительно приведенных в этом (последнем) пласте тюркизмов венгерские специалисты заявляют, что они большей частью могли быть заимствованы удмуртами и коми-пермяками из среднебулгарского языка одновременно, т. е. в X–XI вв., частично же – восприняты коми-пермяками через удмуртское посредство (Rédei, Róna-Tas 1975: 32–33).

5. Третья волна ревизии болгаризмов в пермских языках связана с именем И.В.Тараканова в серии его публикаций: «История изучения удмуртско-тюркских языковых контактов» (Тараканов 1975), «О болгарских заимствованиях в удмуртском языке» (Тараканов 1980), «Иноязычная лексика в современном удмуртском языке» (Тараканов 1981), «Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты» (Тараканов 1982), «Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка» (Тараканов 1982а), «Вихман как исследователь исторической лексикологии удмуртского языка» (Тараканов 1991); «Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь)» (Тараканов 1993).

В вышеприведенных работах касательно болгаризмов следует акцентировать внимание на двух положениях автора: во-первых, И.В. Тараканов значительно увеличил состав болгаризмов в удмуртском языке. Если даже игнорировать противоречивые положения автора о количестве предполагаемых болгаризмов в удмуртском языке*, общее количество тюркских заимствований чувашского типа доведено в среднем до 190 и более**; во-вторых, общим местом в публикациях И.В. Тараканова является не совсем верно воспринятая от венгерских исследователей классификация *всей совокупности* болгарских заимствований удмуртского языка на две группы, ср.: «В исследованиях, проведенных с учетом исторической фонетики пермских языков, В.И. Лыткин, а вслед за ним венгерские ученые К. Редеи и А. Рона-Таш, болгарские заимствования подразделяют на две группы. По их мнению, первая группа слов была заимствована в прапермскую эпоху, когда коми и удмурты еще составляли единую языковую общность, что датируется VIII–IX в. К этой группе К. Редеи и Рона-Таш относят 19 слов (? – В. К.) ... <...> Вторая группа болгарских заимствований характерна главным образом удмуртскому и коми-пермяцкому языкам. <...> Авторы их называют заимствованиями средне-булгарского периода, что относится к IX–XVIII в.» (Тараканов 1980: 128–129; 1982: 29–31; 1982а: 152–153); см. также: (1981: 33; 1991: 62). Правда,

* Ср.: более 190 (Тараканов 1981: 32; 1982а: 151), 190–196 (Тараканов 1982: 170), 196 (Тараканов 1980: 129), около 200 (Тараканов 1992: 64; 1993: 24; 2007: 149), до 200 (Тараканов 2000: 326), 200 (Тараканов 1992: 59), более 200 (Тараканов 1982а: 153; 1993: 25), 203 (Тараканов 1982: 36) и пр.

** Правда, фактически им с претензией на полноту приведены списки, состоящие из несколько иного количества заимствованных из болгарского языка удмуртских лексических (и грамматических) элементов: 161 (Тараканов 1982: 52–74), 182 (Тараканов 1981: 33–51), 194 (Тараканов 1980: 129–134), 207 (из них пять под вопросом) (Тараканов 1982: 36–42) и т. д.

автор в отдельных работах время проникновения болгаризмов (второй группы) в удмуртский и коми-пермяцкий языки обозначает и иными датами: IX–XIII вв. [Тараканов 1981: 31; 1982а: 153; 1991: 62].

Касаясь положения автора о стратиграфии болгаризмов удмуртского языка, следует заметить, что она не удовлетворительна:

Во-первых, указанное автором время заимствований (не только IX–XVIII вв., но даже и IX–XIII вв.) ошибочно, поскольку речь в публикациях венгерских ученых идет не о всех болгаризмах, воспринятых пермскими (удмуртским, коми зырянским и коми-пермяцким) языками за весь период существования Булгарского каганата, а лишь о небольшом раннем (с VIII в.) пласте – о 31 болгаризме, в то время как в удмуртском языке их, по весьма расплывчатым подсчетам самого же И.В.Тараканова, 190 и более (или меньше?).

Во-вторых, предшествующие исследования К. Редеи и А. Рона-Таша (Rédei, Rona-Tas 1973: 281 и далее; 1975: 37), на которые при этом постоянно ссылается И.В. Тараканов в связи с делением болгаризмов удмуртского языка на две группы, говорят о болгарских проникновениях исключительно лишь прапермского (VIII–IX вв.) периода (= 1-я группа заимствований – 22 лексические единицы*) и начального этапа праудмуртского (X–XI вв.) периода (= 2-я группа заимствований – девять слов). При этом такое ошибочное положение приписывается удмуртским автором своим предшественникам: «Такая периодизация в целом не противоречит выводам Ю. Вихмана<...>, В.И. Лыткина<...>» (Тараканов 1982: 31).

Следовательно, необходимо выделить еще и третью группу (отсутствующую в работах И.В. Тараканова), куда вошли бы *лишь собственно удмуртские заимствования* из болгарского языка, не имеющие параллелей в коми-зырянском и коми-пермяцком языках и их диалектах, что составляет львиную долю совокупности болгаризмов современного удмуртского языка. Болгарские слова этой группы могли попасть в удмуртский язык в XII–XIII вв., в отдельные же диалекты – возможно, и несколько позднее (но уж никак не до XVIII столетия!).

Кстати, и сам автор, заметив явную ущербность деления совокупности болгаризмов удмуртского языка *лишь на две группы*, в одной из своих публикаций сделал попытку увеличить количество болгарских заимствований «удмуртского и коми-пермяцкого языков» от девяти единиц, как было представлено в публикациях венгерских ученых, до неопределенного множества за счет включения туда и собственно удмуртских заимствований – цитирую: «Вторая, *доминирующая группа* болгарских заимствований *характерна глав-*

* Три «злополучных» слова с несколько сомнительной этимологией: иське, кушман, секьт (подробнее см.: (Rédei, Rona-Tas 1975: 31–32) – в публикациях И.В. Тараканова, как правило, игнорируются: «К этой группе К. Редей и Рона-Таш относят 19 слов <...>» (Тараканов 1980: 129; 1982: 30; 1982а: 153; 1991: 62; и др.).

ным образом для удмуртского и коми-пермяцкого языков* (выделение полужирным курсивом мое. – В. К.)» [Тараканов 1981: 33]. Однако при этом автор, пытаясь исправить одну свою оплошность, совершил, как можно заметить, другую: «доминирующая группа болгарских заимствований», как известно, характерна лишь для удмуртского языка, для коми-пермяцкого же языка она абсолютно не свойственна.

6. В настоящее время наступает очередной, четвертый, виток интересов финно-угорских ученых к болгаро-пермским языковым контактам – это касается отдельных публикаций М. Гайслера (Geisler 2002), В.В. Напольских (1999; 2000; 2001) и автора данной статьи (Кельмаков 2004; 2010). Яркой особенностью четвертой волны является сочетание поисков новых, ранее не обнаруженных, болгаризмов в современных пермских языках, с одной стороны, и серьезной критики отдельных неточных и противоречивых положений в обобщающих исследованиях предшествующих авторов – с другой.

Литература и источники

Кельмаков В.К. К проблеме болгаризмов в удмуртском языке [I] // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками. Чебоксары, 2004. С. 15–19.

Кельмаков В. К. К проблеме болгаризмов в удмуртском языке [II] // Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра: Материалы Международного симпозиума. Чебоксары, 2010. С. 56–70.

Напольских В.В. Нетривиальные тюркизмы в удмуртском I. *šam* // LU. 1999. № 2 (XXXV). С. 118–121; II. *šartén* // LU. 2000. № 4 (XXXVI). С. 276–281; III. *tuj*. IV. *kužn* // LU. 2001. № 1 (XXXVII). С. 30–33.

Тараканов И.В. История изучения удмуртско-тюркских языковых контактов // СФУ. 1975. № 2 (XI). С. 135–141.

Тараканов И.В. О болгарских заимствованиях в удмуртском языке // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. С. 127–136. (Труды Чув. НИИ. Вып. 97).

Тараканов И.В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Ижевск, 1981.

Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск, 1982.

Тараканов И.В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данному языку // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982а. С. 145–175.

* С этим положением в определенной степени перекликается и утверждение: «В словарном составе эти (т.е. болгарские. – В. К.) заимствования образуют особый пласт слов, многие (выделение мое. – В. К.) из которых находят себе соответствия и в родственных коми-зырянском и коми-пермяцком языках» (Тараканов 1982: 29). В том-то и дело, что – вопреки утверждениям И.В. Тараканова – не «многие», а лишь незначительная часть, т. е. в общей сложности 31 слово из более чем 190...

Тараканов И.В. Вихман как исследователь исторической лексикологии удмуртского языка // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология. Ижевск, 1991. С. 60–66.

Тараканов И.В. Туала удмурт кыл: Лексикология. Ижевск, 1992.

Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь). Ижевск, 1993.

Тараканов И.В. Заимствования // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 326–327.

Тараканов И.В. Удмуртский язык: становление и развитие. Ижевск, 2007.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, 1968. Ч. II.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Чебоксары, 1996.

Geisler M. Etymologien aus den permischen Sprachen // LU. 2002. № 4 (XVIII). S. 241–244.

Räsänen M. Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki, 1920.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek őspéri kori bolgár-török jövevény-szavai // NyK. 1973. № 2 (74). 281–298 old.

Rédei K., Róna-Tas A. A bolgár-török-permi érintkezések néhány kérdése // NyK. 1975. № 1 (77). 31–44 old.

Rédei K., Róna-Tas A. Őspéri és votják jövevényiszavak a csuvasban // NyK. 1980. № 1–2 (82). 125–133 old.

Sebestyén I. Wichmann György hatvanadik születésnapjára // MNy. 1928. 7–8 (XXVI). 225–232 old.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903.